

Как становились грамотеями

Жизнь сельского жителя не ограничивалась только работой и праздниками. Свободное время использовалось для наблюдения за силами природы, чтения, размышлений, учебы. Появление сельских школ в Сибири относится к середине XIX века. Основной причиной их создания были фискальные интересы государства. В 1856 году были открыты первые восемь сельских училищ в Томской губернии, в селах Семилужском, Богородском, Кийском, Боготольском, Булатовском, Вознесенском, Покровском. До 1862 года преподавали в них только священники, затем к обучению были допущены и светские лица, а за первыми оставалось преподавание Закона Божия. Это были так называемые министерские школы. В 1877 году была открыта министерская школа в селе Иглаково, просуществовавшая до 1917 года. В школе обучалось в разные годы от 13 до 34 человек. До 1897 года школа располагалась в наёмном помещении, состоявшем из одной комнаты, а затем в собственном здании, полученном в подарок от Семена Фёдоровича Сергеева – крестьянина села Иглаковского. Ещё одна министерская школа, подчиненная министерству народного просвещения, была открыта в 1906 году в деревне Кижирово. В ней обучалось от 20 до 40 детей. Школа располагалась, как свидетельствуют архивные материалы, в наёмном здании, тёмном, плохо приспособленном для занятий. В 1912 и 1914 годах министерство просвещения открывает школы в деревне Песочной и посёлке Самусь.

Одновременно с министерскими школами открывались и церковные школы. До 1884 года в губернии их было около 30. После издания «Положения о церковно-приходских школах» и «Правил о школах грамоты» начинается стремительный рост школ этого ведомства. С 1884 по 1913 год число сельских церковных школ в Томской епархии выросло до 915. Большая их часть была школами грамоты и лишь четверть – церковно-приходскими училищами. 8 января 1895 года в деревне Белобородовой была открыта церковно-приходская школа, которая с 1898 года размещалась в собственном здании, построенном на средства сельского общества и личные сбережения крестьянина этой деревни Платона Яковлева. При школе была часовня. В разные годы здесь обучалось от 29 до 53 человек. Через год, в 1896 году появилась школа грамоты в деревне Чернильщиково, где обучалось от 9 до 28 детей, и в Орловке с 11–20 учениками. Школы грамоты в деревнях Песочной и Кижирово были со временем преобразованы в министерские. В 1903 году была школа грамоты и в Семиозёрках, где обучалось 19 детей. Сельские начальные школы подчинялись различным министерствам и ведомствам, между которыми шло постоянное соперничество за право влияния на школы.

Сельские министерские школы финансировались за счёт земских и сельских сборов, средств казначейства и частных пожертвований, церковные школы располагали меньшими средствами – незначительными суммами от местных приходов, пожертвований и некоторыми средствами от Епархиального Училищного Совета. Например, школа грамоты в Орловке существовала на средства Братства Святого Дмитрия Ростовского. Иглаковская школа получала на расходы в 1893 году 360 руб., а в 1916 – 542 руб. На школу грамоты в Орловке в 1898 году тратилось лишь 198 руб., в Чернильщиково

Таблица 4

Иглаковское одноклассное училище Министерства Внутренних Дел

Год	Количество учеников	Ф.И.О. учителя, образование	Годовое жалование (руб.)	Ф.И.О. законоучителя, образование	Годовое жалование (руб.)
1884	20	Русанова Вера Васильевна, V кл. гимназии		Сабинин Пётр Фёдорович, семинария	
1886	28	Кунгурова Зинаида Матвеевна, гимназия			
1887	23	Она же	200		
1891	20	Она же	200	Баранов Павел	
1894	16	Сойлотова Инна Михайловна, V кл. гимназии	200	Косьмин Иван Сергеевич	60
1895	17	Она же	200	Он же	60
1897	20	Кунгурова Зинаида Матвеевна, гимназия	200	Жигачёв Василий Михайлович	
1898		Завадовская Елизавета Константиновна, гимназия		Он же	60
1902	30	Она же	240	Он же	
1904	25	Она же			
1906	20	Она же			
1909	27	Петрова Елизавета			
1910		Ошарова Агриппина Афанасьевна, V кл. гимназии			

деятельности. В большинстве случаев приходилось замещать учительские места в школах грамоты лицами с самым незначительным образованием, а нередко и сомнительной нравственности». И действительно, если в иглаковской школе все учителя были с гимназическим образованием (а выпускники гимназий считались лучшими из учителей), то в Семиозёрках учитель Куц Тимофей Яковлевич окончил только двухклассное церковно-приходское училище. В деревне Песочной учительствовал в 1896 году Николай Андреевич Быстржевский, не имевший даже звания первоначального учителя. В Орловке – Иван Петрович Солотчин, не окончивший катехизаторского училища, в Белобородово – Надежда Соколова с церковно-приходским образованием.

Программа обучения и количество предметов, изучаемых в начальных школах, были определены уставом 1828 года: Закон Божий, чтение, чистописание и четыре действия арифметики. За время существования начальных школ в программах если и произошли изменения, то незначительные. Так, в ведомости об учениках иглаковской школы за 1881/82 год значатся эти же предметы и диктант. В 1898 году в белобородовской церковно-приходской школе состоялись экзамены, включившие эти же

Таблица 5

Год	Белобородовская церковно-приходская школа			Чернильщикова церковная школа грамоты			Орловская церковная школа грамоты		
	Количество учеников	Ф.И.О. учителя, образование	Зарботная плата в год (руб.)	Количество учеников	Ф.И.О. учителя, образование	Зарботная плата в год (руб.)	Количество учеников	Ф.И.О. учителя, образование	Зарботная плата в год (руб.)
1896				9	Радзиевич Константин Иванович	1,2 руб. в мес.	11	Кузнецов Евдоким Семёнович	8 руб. в мес.
1897				10	Розанова Мария Александровна	50 коп. в мес. с ученика	20	Черепанов Николай Николаевич	
1898	29	Суранов Василий Васильевич		11	Она же	85,5	20		
1899								Свирин Сергей	
1902	51	Соколовская Надежда, церковно-приходское училище	240	18	Алексеева Ефросинья, епархиальное училище	150		Солотчин Иван Петрович, катехизаторское училище не окон.	130
1903	40	Шевелков Афанасий Маркианович		20	Она же		19	Он же	150
1904	42	Милвзорова Юлия Ивановна, епархиальное училище	240	22	Она же	180	20	Он же	150
1907	53	Попова Анна Семёновна, гимназия	240	23					
1908	53	Пудовикова Александра Дмитриевна	240						
1909	47		26			216			
1914	42								

в 1903 году лишь 201 руб. Из этих же денег выплачивалось и жалование учителям (табл. 4, 5).

Размеры жалования учителей министерских и церковных школ, особенно на первых порах, заметно различались. Если учитель иглаковской школы в 1894 году получал 200 руб. в год, то в школе грамоты в Чернильщикове в 1898 году – 85,5 руб. В церковно-приходских школах оплата труда учителя была несколько выше, чем в школах грамоты, но не превышала жалования учителей министерских школ. Так, в белобородовской школе учитель в 1907 году получал 240 руб. в год, а в кижировской министерской – 360.

В отчётах Епархиальных Училищных Советов прямо говорилось, что «школы грамоты по своей материальной необеспеченности не могут иметь учителей со специальной подготовкой к учительской

предметы и церковно-славянскую грамоту. В некоторых школах преподавалось церковное пение, рукоделие или ремесло. Преобладали в селах и деревнях одноклассные училища, в которых первоначально обучение длилось один год, а к концу XIX века – уже три. Ученики подразделялись на три отделения, занимавшихся, как правило, одновременно и с одним учителем. Ученики младшего отделения в течение года обучались церковно-славянскому чтению и чистописанию. Среднего отделения – чтению церковному и гражданскому, двум первым правилам арифметики, Закону Божьему. Старшего отделения – чтению, русской грамматике, арифметике, краткому катехизису.

Успехи учащихся зависели от многого: квалификации учителей, личных способностей и посещаемости занятий. Образование в России не было обязательным, и многие крестьяне считали отставку детей в школу благодеянием и большой услугой, которую они оказывали учителю. Проверка классных журналов показывала, что пропуски уроков учениками, а иногда и учителями были значительными. Многие ученики бросали школу зимой из-за отсутствия одежды, летом – из-за полевых работ. Учительница иглаковской школы Е.К. Завадовская писала в 1902 году: «вообще учатся только те, которые не могут ещё работать, а как только ребенок нужен дома, то и ученью конец». Поэтому до старшего отделения доходило не много детей. Так, в 1881/82 году в иглаковском училище было 23 ученика, а в старшем отделении их было только два. В 1899 году курс белобородовской церковно-приходской школы окончило только 5 человек. По данным Томского Епархиального Училищного Совета, в 1911 году в церковных школах губернии обучалось 44 958 человек, а окончило курс – только 3039. Мальчики и девочки в сельских школах обучались вместе. Мальчиков среди учащихся было значительно больше, чем девочек, поскольку считалось, что женщинам грамота не нужна.

Сельская начальная школа, появившись в Томской губернии в середине XIX века, проделала к 1917 году значительный путь: выросло число школ, и к 1912 году их было 1629 с более чем 90 тыс. учащихся, выросла квалификация учителей, появились крестьяне, заинтересованные в получении образования их детьми. Но необязательность обучения, незначительный круг изучаемых предметов, слабая подготовка части учителей, пропуски занятий, огромное число детей, остававшихся вне школы, не позволяют говорить о больших успехах в народном образовании. В 1913 году в Петропавловской волости, расположенной недалеко от губернского центра, на 28 селений приходилось 8 школ с 246 учениками. Немногим более трети всех детей школьного возраста обучались в школах. И всё-таки, как выразился епархиальный наблюдатель В. Мироносицкий, «школы пробуждали в народе жажду просвещения, раздирали целину невежества и спячки».

И хотя значение сельских школ в деле образования было велико, образовательный и культурный уровень сибирского крестьянства был чрезвычайно низким. В 1897 году грамотные в сельской местности Томской губернии составляли 8,6%, что было ниже, чем в целом по Сибири. К 1917 году грамотные в Сибири составляли уже 18,3%. В 1917 году в пригородных селениях, входящих в зону влияния современного Северска, было 933 грамотных человека, в том числе 670 мужчин и 263 женщины, что составляло 27,6% населения района. Среди мужчин грамотными были 38,0%, среди женщин – 16,8% (граф. 2). В среднем по России уровень грамотности не превышал 30%. Однако, читали, писали письма, вели хозяйственные записи очень немногие, газет и книг в собственности также было немного, серьезной художественной литературы личные библиотеки крестьян обычно не содержали. Правда, крестьяне могли пользоваться школьной и церковной библиотеками. Например, иглаковские школьники пользовались услугами макушинской библиотеки в Томске. В 1912–13 годах крестьяне-старожилы Томской губернии тратили на газеты и книги 3 руб. 95 коп. в год на одно хозяйство, что равнялось 0,016 всех годовых расходов.

Вместе с тем, в жизни сибирского крестьянского населения происходили изменения, медленно, но неотвратимо пробивались ростки нового. Через школы, участковых врачей, агрономов, землемеров, священников, школьные и церковные библиотеки крестьяне начинали стремиться к знаниям, что давало им возможность изменить жизнь, приобщиться к достижениям мировой культуры.

График 2. Сельскохозяйственная перепись 1917 года о грамотности крестьянства пригородных томских селений

Село советское

События революции 1917 года, Гражданской войны, восстановительного периода вплоть до 1930 года фактически не затронули уклада жизни Петропавловской волости. Бои прогремели по железной дороге, а партизанское движение рядом с городом было невозможно ни при белых, ни при красных. Это не значит, что война совсем обошла стороной волость. Местных крестьян мобилизовали и в Белую, и в Красную армии. Некоторые прошли сначала германскую войну, а потом – гражданскую. В 1924 году в Красной Армии служили 17 человек из Белобородово, 3 – из Чернильщикова, 4 – из Виленки, по 1 – из Кижирова и Иглаково, 5 – из Песочной. Несколько крестьян служили в Белой армии и милиции*.

После февральской революции, по решению Томского губернского комитета общественного порядка и безопасности, формы организации сельского управления остались старыми. Это вызвало недовольство крестьян. В ноябре 1917 года они проголосовали на выборах в Учредительное собрание за эсеров, а в декабре без сожаления встретили весть о падении буржуазных демократических органов власти в Томске. В 1918 году крестьяне уже поддерживали большевиков и подняли красные флаги. Большевики не успели проявить себя по отношению к крестьянству, так как в мае 1918 года бежали из Томска на пароходах от наступавших белочехов и белогвардейцев. Ни Временное сибирское правительство, ни А.В. Колчак не принесли томским крестьянам исполнения их надежд. Шла война, и власть, чтобы уцелеть, должна была проводить мобилизации и реквизиции, бороться с самогонварением и наводить элементарный порядок. Бегство белых и возвращение Советской власти не вызвало у крестьян ни восторгов, ни сожалений. Убытки от хозяйствования тех и других были подсчитаны. Выяснилось, что в Петропавловской волости 1 человек был расстрелян, пострадали 47 хозяйств на 934,5 тыс. руб., в том числе была реквизирована 31 лошадь. Больше других сёл пострадали Иглаково и Песочная, в основном вследствие реквизиций фуража, хлеба и лошадей.

Бегство белых не принесло облегчения. Красные так же подсчитали число лошадей, саней и телег по дворам и наложили на пригородные села непосильную подворную повинность. В Белобородово и Иглаково разместился на постой гаубичный артдивизион 30 стрелковой дивизии, и все население было мобилизовано для его обслуживания. Потребовались также 200 подвод для перевозки зерна из Сенной Курьи в Томск, 200 подвод – для перевозки дров в госпитали, 300 подвод – для перевозки продовольствия, 55 – для очистки судов ото льда в затонах и так далее. При этом во всей волости насчитывалось только 1733 ослабевших от бескормицы и уставших от постоянной работы рабочих лошади. По деревням ездили уполномоченные с мандатами, по которым за неисполнение приказов новых властей можно было арестовать любого человека. Начальник Томской уездной рабоче-крестьянской милиции Чубаров разослал приказ: «Всем волостным ревкомам приказываю посылаемые мною наряды по наряду подвод исполнять без всяких отлагательств и рассуждений на ваших сходах. На ваши постановления не буду обращать внимания, а за неисполнение нарядов буду арестовывать всех должностных лиц волостных и сельских ревкомов в срок 24 часа». Притомские деревни получили передышку, когда фронт сдвинулся на восток. 13 февраля Петропавловская волость была освобождена от подворной повинности на 4 недели. Но весной крестьян вновь мобилизовали для работ в затонах, на городских предприятиях и в учреждениях.

Первоначально отношение крестьян к Красной Армии было неплохим, и в волости удалось собрать пожертвования для красноармейцев – табак, мыло, мороженое молоко, сливки, нитки, иголки, 366 руб. денег. 8 февраля 1920 года Петропавловское волостное собрание приняло резолюцию: «Приветствовать томских рабочих и вместе с ними трудящихся всего мира борющихся, за Царство Труда. Да здравствует Красная Армия, принеся освобождение трудящихся Сибири от кровожадных белогвардейских банд».

Но позднее армия перешла к прямым реквизициям под угрозой суда. Реквизировалась даже одежда. Волость передала в конце 1920 года 60 комплектов теплой одежды уездному военкому. После такого грабежа власть уже не могла рассчитывать на добрые чувства. Ещё в апреле 1920 года инструктор информационного отдела уездного ревкома И.Г. Мальков сообщал: «Близлежащие от города села настроены контрреволюционно, чем дальше, тем крестьяне доступнее и доверчивее. Я не узнаю крестьян, которых знал до 1914 года. Теперь это испорченный и развращенный спекуляцией обыватель. При приезде из разговоров выясняется, что крестьяне в большинстве настроены недоброжелательно к Советской власти, если они и уверяют, что сочувствуют, это не искренне, может быть, из боязни. Пользуются

*Здесь подразумевается «белая» милиция. Формирование органов внутренних дел в белых правительствах началось одновременно с созданием других органов власти и управления. Правовые основы их деятельности составляли дореволюционное законодательство и нормативные акты самих белых правительств.

разными вздорными слухами, верят им. Дело не обходится без чёрной провокации деревенских кулаков, беженцев Пермской, Вятской и Уфимской губерний, которых немало в Томском уезде, местных попов, бежавших и скрывающихся белогвардейцев, изобретаются всевозможные нелепейшие сказки с целью подорвать доверие к Советской власти».

Мальков был не так уж неправ, когда говорил о ведении в селах антисоветской агитации. Так, в Белобородово 11 июля 1920 года были арестованы члены офицерской организации А.Ф. Кузьминых («Корнета Караваяева»). Из 68 арестованных членов этой группы в уезде 39 были расстреляны. По Томскому уезду ходили слухи, что Троцкий бежал в Палестину, что японцы заняли Сибирь до Байкала, что красноармейцы разбегаются, что Сибирь скоро возьмут американцы, что коммунистов скоро не будет. Но не «шептуны» были основной причиной недовольства, а политика самой пролетарской власти. Продотряды, выгребавшие продовольствие и фураж, уполномоченные разных ведомств, потрясающие мандатами, милиция, сующая под нос наганы, обрушились, прежде всего, на пригородные сёла. Конференция беспартийных крестьян Петропавловской волости 18 октября 1920 года выступила с декларацией о поддержке Советской власти, но выразила протест против «непосильных развёрсток с применением самого грубого обращения». Крестьяне не поддержали резолюции, предложенной инструктором из Томска, о том, что Советская власть – власть рабочих и крестьян, и что необходима борьба с кулачеством.

Местная власть – председатели сельских и волостных ревкомов и исполкомов Советов – оказалась между молотом и наковальней. С одной стороны, они обязаны были исполнять волю вышестоящих структур, а с другой – отстаивать интересы крестьянского мира. С одной стороны им угрожали наганами, судами и арестами, приговаривали к принудительным работам, с другой – в них стреляли из обрезов односельчане, у них рушилось хозяйство, пока они занимались общественными делами. Поэтому председатели волостных и сельских исполкомов менялись часто.

В январе 1921 года совещание председателей и секретарей сельисполкомов Петропавловской волости отметило, что невозможно выполнить еженедельные развёрстки на мясо, масло, яйца, молоко, овощи, картофель, сено, солому, кожу, шерсть, семена; просило сократить развёрстку на картофель как на единственное средство пропитания населения.

Часто менялось и территориально-административное деление. Постоянные реорганизации органов местного самоуправления свидетельствовали о большом значении, которое придавала им Советская власть. Сельские советы являлись мощным инструментом преобразования деревни, важным средством контроля, информации, управления в гигантской, преимущественно аграрной стране, какой являлся Советский Союз в 1920–1940-е годы.

В течение 1920-х годов шла упорная борьба пролетарской власти и крестьян за сельские советы. Совершенно неслучайно первой формой политических репрессий на селе стало лишение избирательных прав, а компания по сплошной коллективизации стала возможной только после раскола единого крестьянского фронта и установления коммунистического контроля над сельскими советами.

Если судить по сохранившимся документам, то можно считать выборы в сельские советы в первой половине 1920-х годов достаточно свободными и демократическими. Кандидаты выдвигались на сельских сходах, практически все жители имели право голоса. В 1920 году в Петропавловской волости были лишены права голоса 31 человек, в 1921 году – 30. Это меньше 3% общего числа избирателей. В 1922 году, с наступлением НЭПа, лишенцев не стало вообще. В 1923 году по политическим мотивам были лишены права голоса 5 человек. Это были в основном бывшие офицеры, чиновники, полицейские, милиционеры колчаковского времени, торговцы. На трудовой элемент деревни наступление началось во второй половине 1920-х годов, тогда ряды лишенцев пополняли в основном зажиточные крестьяне. Лишение права на участие в выборах было первым шагом по дороге в Нарым, следующими шагами обычно становились назначение твердого (невыполнимого) задания по индивидуальному налогообложению, а затем – раскулачивание и ссылка. В 1927 году в Кижировском сельсовете было

Первым председателем Петропавловского волостного революционного комитета и одновременно военным комиссаром был избран 18 января 1920 г. на собрании 60 гласных от селений Маркел Трофимович Холуденев. Председателями сельсоветов (сельревкомов с половины декабря 1919 г.) были в Белобородово – Александр Соколов, в Бросовке – Иван Абросимов, в Виленке – Фёдор Гирс (Гирсов), в Иглаково – Михаил Иглаков, в Кижирово – Тихон Шадрин, в Орловке – Тихон Пуспешев, в Песочной – Иван Власов, в Рогоженке – Андрей Тяпкин, в Семиозёрках – Фёдор Черевков, в Чернильщицково – Михаил Матюгин. А 1 апреля 1920 г. в Белобородово председателем уже был Василий Емелин, в Кижирово – Осип Васильев, в Орловке – Павел Губин, в Семиозёрках – Николай Борисов. В мае в Иглаково председателем стал Осип Иглаков и т.д. Белобородовским председателям сельсоветов досталось от властей больше, чем другим. Осенью 1920 г. был приговорён к принудительным работам Василий Емелин, в апреле 1921 г. – сменивший его Ефим Семенович Титов, в июле 1922 г. – следующий председатель, Василий Дмитриевич Сергеев. Новый председатель Иван Голубев в 1923 г. был также обвинён в саботаже заготовок. Постоянно арестовывались и иглаковские председатели.

В 1924 г. прошла реорганизация сельского управления, сельсоветы были укрупнены. Сёла на месте нынешнего Северска вошли в 4 сельсовета – Петропавловский (Петропавловка, Покровка, Успенка, Ивановка, Виленка, Бросовка, Поперечка – 394 двора, 1087 чел.), Иглаковский (Иглаково, Чернильщиково, Зоновка, Белобородово – 348 дворов, 1584 чел.), Кижировский (Кижирово, Орловка, Луговая, Семиозёрки, Самуськи – 247 дворов, 999 чел.), Песочинский (Песочная, Рогоженка, Георгиевка, Михайловка, Васильевка – 342 двора, 195 чел.). Председателем Петропавловского сельсовета был избран Иван Ефремович Ширинкин, Песочинского – Василий Самойлович Козлов, Иглаковского – Александр Александрович Крысов, Кижировского – Фёдор Дмитриевич Юдин.

В октябре 1925 г. Иглаковский сельсовет был упразднён и разделён на Чернильщиковский и Белобородовский (Белобородово, Иглаково, Архимандритка). Из Петропавловского сельсовета был выделен Виленский (Виленка, Бросовка, Поперечка), в Песочинском сельсовете остались Песочная и Рогоженка, в Чернильщиковском – Чернильщиково и Зоновка. В прежнем составе сохранился только Кижировский сельсовет. С 1925 г. территория бывшей Петропавловской волости вошла в Первый Томский (Северный) район Томского округа, а затем – в Томский горсовет.

В 1932 г. Чернильщиковский сельсовет слили с Кижировским и стали именовать Самусьско-Затонским, а Белобородовский с Кузовлевским, сохранив новому образованию наименование последнего. Одновременно к Песочинскому сельсовету добавили Поперечку и Бросовку, к Петропавловскому – Виленку, ликвидировав Виленский сельсовет. 27 декабря 1933 г. Томский горсовет провел постановлением следующее укрупнение: Песочинский сельсовет был слит с Петропавловским и получил название по новому центру – Виленский; Самусьско-Затонский сельсовет был расформирован: Кижирово и Семиозёрки переданы в новый Виленский сельсовет, Луговая – в Моряковско-Затонский, Орловка – в Козюлинский, Чернильщиково – в Кузовлевский сельсовет. Самусьский Затон получил 1 августа 1934 г. статус рабочего посёлка и городские права.

Серьезная реорганизация управления пригородной зоны к северу от Томска произошла 20 ноября 1935 г., когда постановлением президиума ЗапСибкрая был образован Туганский район, которому были переданы 31 декабря 1935 г. вновь восстановленные Петропавловский и Песочинский сельсоветы. Козюлинский отошел Шегарскому району, а восстановленный Белобородовский сельсовет отошел к Томскому горсовету, а с 1939 г. они вошли в восстановленный Томский район. Таким образом, территория будущего г. Северска была поделена между двумя районами: Белобородово, Иглаково, Чернильщиково, Самусьский Затон, Орловка оказались в Томском районе, а Песочная, Бросовка, Виленка, Поперечка, Семиозёрки, Кижирово – в Туганском. Такое положение сохранялось до ликвидации в 1962 г. Туганского района. Орловку в 1960 г. передали Самусьскому поссовету.

13 лишенцев, в Белобородовском – 30, в Песочинском – 9, Виленском – 3, Чернильщиковском – 12, всего 67 человек. По спискам лишенцев в 1933 году в Белобородовском, Песочинском и Самусьско-Затонском сельсоветах значилось 69 глав семей или 7% от общего числа дворохозяев.

Крестьяне стремились не допустить в сельские советы чужаков, старались не выбирать и коммунистов, даже из своих односельчан, поэтому первые составы сельсоветов были почти сплошь беспартийными. Так, виленские мужики забаллотировали в 1920 году на выборах в сельсовет коммуниста из демобилизованных солдат Н.Ф. Кумпяка, песочинские мужики проголосовали единодушно против Мокея Маркова, работавшего секретарем в сельсовете. В сельсоветы на выборах в 1920 году прошёл только один сочувствующий РКП(б) – С.П. Ендальцев от рабочих Самусьского Затона. В информационном письме Томского губкома в 1922 году верно отмечалось: «...отношение к деревенским коммунистам в большинстве случаев неудовлетворительное. Они являются козлами отпущения».

В письме уполномоченного по выборам 1924 года в Петропавловской волости Г.Г. Шерстнёва сообщалось в губком, что «говорить о каком-либо партийном влиянии на деревню не приходится», что «приходилось слышать, как коммунистами пугают ребят», что «сельсоветы целиком стоят за интересы своего общества», «все, что касается интересов крестьянина, без репрессивного воздействия не выполняется», что «коммунистов в волисполком провести удалось с трудом».

О социальной сущности строя, в котором они оказались, крестьяне имели весьма смутное представление – тот же Г.Г. Шерстнёв писал: «Деревня считает Ильича царём и очень трудно доказать обратное. На его смерть реагируют очень слабо и почти никакого значения этому не придают. Только спрашивают – кто же будет царем вместо Ленина и не будет ли переворот, которого деревня боится». Только в 1925–1926 годах Томский райком с удовлетворением констатировал: «Авторитет ячеек ВКП(б) и РЛКСМ среди населения большой, что говорит то, что во всех населенных пунктах, где имеются ячейки сельсовета, прошли члены ВКП(б) и есть РЛКСМ».

Прерогативы местных органов власти были обширны и касались существа крестьянской жизни. Сельсоветы регистрировали рождения, браки, удостоверяли состав хозяйства, организовывали охрану, связь, противопожарные и санитарно-гигиенические меры. Через сельские советы шла организация пропагандистских кампаний, советских праздников.

Главными в деятельности сельских советов были фискальные функции, то есть распределение и сбор налогов и организация натуральных повинностей – отработок, мобилизация средств на чрезвычайные кампании государства и местные нужды (самообложение). До 1921 года это были многочисленные развёрстки, а затем – налоги, выбить которые из нищей деревни было чрезвычайно сложно. Германская война, революция, Гражданская война, военный коммунизм с постоянными развёрстками обессилили деревню и поставили её на грань голода.

В Петропавловской волости экономическая ситуация после Гражданской войны сложилась катастрофическая из-за её близости к городу. У города под боком хорошо жилось тогда, когда можно было продать на базаре овощи, дрова, сено, рыбу. Когда же заградотряды перекрыли подходы к рынку, а продотряды двинулись в деревню, близость города вышла для волости боком. В 1921 году она должна была поставить по развёрстке 77 тыс. пудов картофеля, 39 тыс. пудов сена, 1000 подвод, 2 тыс. куб. сажень дров. Волисполком в феврале 1921 года констатировал: «Влачим жалкое существование вообще». И в этих условиях крестьяне нашли возможность оказать помощь голодающим Поволжья. В Виленке собрали куль* картофеля и 1,5 пуда* муки.

Рис. 49. Жители деревни Белобородово. Начало XX века. Из фондов Музея г. Северска.

Развёрстки опустошили традиционные деревенские аккумуляторы продовольствия – зажиточные дворы, и в голодный год бедоте уже некому было помочь. В 1922 году обследования показали, что голодают: в Песочной – 3 семьи, в Рогоженке – 3, в Кижирово – 3, в Орловке – 12, в Иглаково – 26, в Белобородово – 55 семей. Чем ближе к городу, тем тщательнее подметали сусеки продотряды. Из Белобородово сообщали: «Из 119 хозяйств в данное время голодают 55 семей или 46% населения, 42% – находятся в стадии недоедания и только 12% ещё кормятся хлебом и есть надежда дожить до нового урожая». Из-за отсутствия семян сокращалась площадь огородов. В сводке о состоянии Томского уезда летом 1922 года отмечалось, что половина населения питается суррогатами и падалью, едят незрелую картошку и зеленый хлеб. В 1923 году в волости из 1582 дворов зажиточными числились только 54 двора или 3,4%, 723 – относились к средним, 805 – к бедным.

Положение несколько выправилось к 1924 году Уполномоченный Шерстнёв писал в отчёте: «Жители данного района живут бедно, зажиточное крестьянство, по сибирским условиям, составит не более 1–2%, в довоенное время хлебопашеством эти волости почти не занимались и жили, главным образом, за счёт г. Томска, вывозя на рынок овощи своих огородов, сено и дрова. За истекшие 2–3 года стал развиваться в небольшом размере посев хлебов. Обычное состояние крестьянина-середняка составляет: 2 лошади, 2 коровы, 2 свиньи, 5 овец, 10 кур, в неделю 2–3 поездки в город с дровами или сеном, каждая поездка на двух лошадях и один рабочий даёт крестьянину 3 руб. золотом. Следовательно, лучший крестьянин на паре лошадей за круглый год на сене и дровах заработает 100 руб. золотом, а менее старательный 10–15 руб. Вот такова доходная статья крестьянина, и поэтому в городе он покупает только то, что крайне необходимо – соль, керосин, спички, и кроме этого в большинстве случаев ничего не покупается, ибо не на что. Несмотря на это тяжёлое материальное положение, крестьяне живут лучше, чем в предыдущие три года – увеличивается посевная площадь, скот, возникают кое-где новые постройки».

Продналог был ниже развёрстки, так, сена нужно было поставить 15 тыс. пудов вместо 39 тыс. пудов, однако и он был чрезвычайно высок по сравнению с дореволюционным временем. В 1923 году на одного едока в Томском уезде приходилось 14 руб. 19 коп. обложения, а в 1910–1911 годах – 2–3 руб. Причиной этого было завышение доходности хозяйств. Петропавловской волости определили единый сельскохозяйственный налог, исходя из контрольной цифры в 3092 десятины посева, когда реально в волости использовалось 560 десятин посева, то есть 18% площади налогообложения. При низкой урожайности (хлеба – 2–3 ц с га, овса – 5, картофеля – 64) налог был разорителен и невыполним. В нормальных рыночных условиях крестьяне предпочитали хлеб покупать на базаре и растили его в волости только в период развёрсток.

Кроме сельхозналога крестьяне платили также 5% отчисления в фонд комитетов взаимопомощи, страховые и волостные сборы, разные «добровольные» поборы в помощь воздухофлоту, японскому пролетариату, немецким рабочим и так далее. Компании по сбору средств шли непрерывной чередой, вызывая недовольство крестьян, которые уже с ностальгией вспоминали старые времена: «Это при батюшке-царе всё было и дешевле, сдашь налог и живёшь целый год миром, и никто тебя не тронет».

*Куль – 8 пудов, пуд – 16 кг.

О росте благосостояния крестьян говорит тот факт, что количество населения в перечисленных сёлах выросло за 7 лет на 14%, количество крупного рогатого скота – на 45 %, свиней – на 75 %, овец и коз – на 66 %, лошадей – на 8%, площадь посевов – на 230%. Втрое выросло число дворов, занятых не-земледельческими промыслами. Образовалось 33 кустарных предприятия по переработке сельхозпродуктов и леса. Возросшее число дворов (на 24%) свидетельствует, прежде всего, о стремлении крестьян уйти от выплаты подоходного налога путем дробления больших хозяйств. Мизерное количество посева (менее 1/3 десятины на двор) свидетельствует о преобладающем промыслово-огородническом направлении хозяйства жителей. Доход с не-земледельческих промыслов равнялся 134,4 тыс. руб.

По уезду ходили песни-самоделки, вроде такой:

*«Ох, совсем пуста коробушка,
Нет ни ситца, ни парчи.
Нет ни хлебушка, ни кровушка.
Вздорожали все харчи.
Дайте, братцы, зелья пьяного
С горя вдребезги напьюсь,
От Володи от Ульянова
Погибает наша Русь» и так далее.*

Несмотря на суровый налоговый гнёт, крестьянство смогло подняться в 1920-е годы и поднять всю страну – дать товарное зерно, лен, картофель. Улучшалось заметно и хозяйственное состояние Петропавловской волости.

По статистике 1928 года в Белобородовском, Виленском, Песочинском и Кижировском сельсоветах из 587 промысловых хозяйств 383 показали, что подрабатывают заготовкой дров, 48 – извозом, 59 – плотничеством, 42 – бондарной работой, 22 – ремёслами, 24 – работой на крахмалопаточных заводах, 5 – рыболовством, 1 – охотой, 3 – прочими промыслами.

В Кижировском сельсовете основной не-земледельческий доход давала работа в затонах, где были постоянно нужны матросы на суда, возчики, конопатчики, плотники, кузнецы. По карточкам дохода таких крестьян в 1927 году насчитывалось 90 человек на 264 двора сельсовета. Фактически они были постоянными рабочими затона, но власти продолжали, как и в царское время, считать их крестьянами. Средний их заработок в год составлял 110 руб., а у квалифицированных рабочих – более 300 руб.

Организация кустарных производств, при всей их примитивности, чаще всего была по силам не отдельному хозяйству, а артели родственников или односельчан. Кооперативные производства имели к тому же налоговые льготы по сравнению с частными. Власти полагали, что кооператив – более социалистическая форма хозяйствования, чем частное заведение. Таким образом, в 1920-е годы только на территории будущего города Северска появилось большое число производственных кооперативов.

В Петропавловской волости в 1921 году числилось уже 9 трудовых артелей. Первая из них была создана 1 сентября 1920 года. Она называлась «Первая мельничная сельскохозяйственная артель» и была организована в Виленке семейством Бокаревых и С.И. Кумпяком. 4 февраля 1921 года были зарегистрированы 3 Чернильщиковских артели по производству крахмала. 12 апреля 1921 года об-

Белобородовские и иглаковские жители в основном продавали дрова в город. Из 233 человек, занятых промыслами, этим занимались, судя по анализу подворных карточек, 212 хозяйств со средним доходом в 85 руб. в год. Нередко (в 43 случаях) это сочеталось с извозом, что приносило ещё по 145 руб. дохода в год, или с временной работой в затонах, на нефтескладе, что давало по 34–50 руб. Постоянные же рабочие и служащие получали по 500–900 руб. Наиболее зажиточными были держатели крахмалопаточных заводов (таких дворов насчитывалось в сельсовете 14 с доходами по 550 руб.) и бондари (15 дворов с доходами по 513 руб.). Несколько человек делали сани, валяли пимы, плели корзины, сапожничали. В Песочинском и Чернильщиковском сельсоветах также в основном промышляли продажей в город дров, крахмалопаточным производством, выделкой кож, деланием веревок, бочечной клёпки.

разовалась Иглаковская сельскохозяйственная и мукомольная артель; 11 августа 1921 года – Белобородовская крахмалопаточная артель; 18 сентября 1921 года – крахмальная артель в Белобородово; 14 ноября 1921 года – Чернильщиковская паточная; 29 декабря 1921 года – Чернильщиковская трудовая артель по производству крахмала. Судя по фамилиям учредителей, в артели часто входили родственники, но чисто семейных предприятий не было. В 1922 году в Белобородово действовали ещё артели А.Г. Воронова и К°, М.И. Жукова и К°. В 1923 году одна из белобородовских артелей стала называться «Самотруд», другая – «Дружба». В 1924 году в Чернильшиково образовались ещё две артели – «Рыба» (рыбопромысловая) и «Доброе дело» (по производству саней и дуг). В Бросовке 1 сентября 1925 года 5 крестьян образовали промартель «Луна», которая к 1927 году выросла до 15 человек. Сначала артельщики делали верёвки, затем занялись деревообделкой. 26 января 1925 года образовалась артель «Красная сопка» в Моряковке, где был построен стеклозавод. Затем, 14 августа 1927 года, образовалась крахмалопаточная артель «Прогресс» (8 человек), а 26 ноября того же года – артель «Дружба» (7 человек), в них вошли члены распавшихся трёх чернильщиковских артелей 1921 года. Такие же крахмалопаточные артели «Сигнал» и «Луч» были образованы соответственно 14 февраля 1928 года в Песочной и 24 августа 1928 года в Виленке. В Виленке и Белобородово в 1927 году действовала артель «Волна» (извозная), а

в Чернильщику организовалась артель пихтоваров «Веточка». В 1929 году в Иглаково образовалась крахмалопаточная артель «Смычка» на основе завода Константина Ивановича Терентьева.

Промысловые трудовые артели были невелики – по 5–20 человек. Самые распространенные – крахмалопаточные – действовали временно по 1–2 месяца после сбора картофеля. Первоначально артельщики перетирали на крахмал и варили на патоку картофель своей посадки. Затем, по мере накопления опыта и капитала, стали скупать картофель у односельчан. Заводики стали действовать по полугоду и более. Наиболее солидная артель «Прогресс» (староста Михаил Александрович Матюгин) состояла из 8 крестьян (в основном середняков), имела крахмальный и паточный заводы пропускающей способностью 200 пудов картофеля и выпуском 25 пудов патоки в сутки соответственно, выработала за 9 месяцев продукции на 15 311 руб., получив прибыли 3261 руб. или 21% на оборотный капитал, при заработке членов артели по 59 руб. в месяц и артельном капитале в 887 руб. Комиссия по обследованию кустарной промышленности в 1928 году признала рентабельность артелей «Прогресс», «Сигнал», «Дружба» и утвердила их официальный статус, одновременно посоветовав слить артели «Прогресс» и «Дружба».

Политика властей по отношению к крестьянским кооперативам была непоследовательной. От поддержки в 1920–1927 годах с началом сплошной коллективизации власти перешли к жестокому их подчинению и унификации. Часть из них была преобразована в промколхозы, другие – в сельскохозяйственные артели с типовыми уставами. Первоначально из крестьянских артелей постарались выжить классово-чуждые элементы – зажиточных, а затем влить эти предприятия в колхозы. Однако, такая политика, основанная на чисто идеологическом подходе, приводила к бесхозяйственности, поскольку мастерами на крахмальных и паточных заводах были как раз самые башковитые, работающие и потому зажиточные мужики. Их исключение из артелей приводило к закрытию производства и вызывало возмущение крестьян-артельщиков. Так, в Чернильщику проверочная комиссия потребовала исключить из артели «Прогресс» Дмитрия, Николая, Михаила Верхотуровых как кулаков и А. Надрина как сына церковного старосты. Несмотря на несогласие старых членов артели, заявивших, что «мы живем мастерами, которых выбросили», собрание артели «Прогресс» (25 человек) и ТОЗа «Новый путь» (10 человек) постановило Верхотуровых и Надрина исключить, а коллективы слить. При этом члены артели справедливо высказывали опасения, что «мы-то сольёмся, а нас через месяц вычистят». Чистку также провели в артелях «Луна» и «Сигнал».

Кроме промартелей существовали и другие формы крестьянской кооперации. Так, сохранились сведения об образовании в 1928 году маслодельных артелей: 25 марта в Бросовке под названием «Бедняк» – из 38 человек (председатель правления и приёмщик молока Илья Иванов); в Иглаково – из 12 человек (председатель Александр Анфиногенович Иглаков); 2 октября в Чернильщику – из 2 человек (председатель Иван Павлович Пономарёв). В Виленке тогда же была создана артель охотсоюза из 32 человек под руководством Н. Кумпяка и т. Старостина с паевым взносом в 5 руб.

В промартели объединялись, в основном, середняки, так как по настоящему зажиточные мужики в товариществах не нуждались, а бедняки не могли внести пай даже тогда, когда их включали в артели из соображений самосохранения. Бедняки могли лишь сообща трудиться, поэтому первые попытки создать коллективные хозяйства ими были предприняты на основе захваченной церковной собственности. В 1920 году действовали коммуны на Архимандритской заимке – Община трудового братства (22 человека) и на Ксендзовой заимке – Томская первая трудовая коммуна. Община распалась после национализации заимки 9 августа 1920 года, а коммуна – в 1921 году. На месте Ксендзовой заимки затем, в 1923 году была образована сельхозартель «Общее дело», которая из-за внутренних склок не действовала, хотя в ней числилось 62 человека, 18 лошадей, 19 коров, имелась сельхозтехника – плуги, бороны, сенокосилка, молотилка, веялка, сепаратор, маслобойка, соломорезка. До 1931 года артель числилась только на бумаге, её члены торговали срубками, дожидаясь выселения с земли.

Столь же недолговечными были товарищества, организованные в первой половине 1920-х годов. Так, в 1921 году в списке числилась сельхозартель «Новая жизнь» в селе Виленка Петропавловской волости, позднее она уже не упоминается в документах. На 1 января 1925 года в списке сельскохозяйственных

Рис. 50. Жители деревни Виленка
Фёдор и Александра Говор. 1930-е годы.
Предоставлено В.Ф. Махневой.

Рис. 51. Модница из села Иглаково. Начало 1930-х годов. Предоставлена Т.А. Васюрой.

ссуды выдавались по 300–500 руб. в год. Здесь была организована артельная мучная лавка. Прочие общества влачили жалкое существование, но сыграли весьма серьёзную роль в подготовке сплошной коллективизации при образовании инициативных групп, проверочных, счётных комиссий, выборах в сельсоветы, при раскулачивании.

В районах также действовали с 1927 года Песочинский (104 члена), Белобородовский отделы Томского союза потребительских обществ и Томский Центральный Рабочий Кооператив (ЦРК). Последний включал и сельских пайщиков для организации взаимовыгодных обменов товарами между городом и селом. Так, в Белобородово было 76 членов ЦРК, в Иглаково – 31. В Чернильщиково и Кижировском сельсовете основным поставщиком товара были Моряковское и Самусьское отделения Томского транспортного потребительского общества. Потребкооперация, впрочем, не могла ликвидировать товарный голод в деревне. Она даже не покрывала товарами паевых взносов. На совещании председателей потребительских кооперативов отмечалось: «Трудно будет довести пай до 10 руб. Мы будем просить денег, а крестьянин скажет: «Дайте нам товар», у нас же его – пустые полки». В 1929 году сельские потребительские общества вошли в Томско-Коларовский райпотребсоюз.

Таким образом, перед началом сплошной коллективизации в 1930–1932 годах жители пригородных сёл имели уже немалый опыт кооперации, но он был получен преимущественно в потребительской, промысловой, кредитной областях. В кооперации же сельскохозяйственного производства успехи были минимальными.

Начавшаяся в конце 1920-х годов сталинская индустриальная революция изменила жизнь всего общества. Грандиозные стройки требовали массу рабочих рук и лошадей, громадных затрат на машины и оборудование, гигантское количество продуктов, материалов. Новые заводы должны были быть обеспечены рынками сбыта и сырья. По планам организаторов большого индустриального скачка, всё это должна была обеспечить российская деревня. Ей предстояло стать источником средств и рабочих рук для индустриализации.

Российское село, где в нищете и невежестве веками прозябали три четверти населения страны, действительно нуждалось в переменах. Деревня была плохим производителем и покупателем и сдерживала развитие страны. Помещики и царское правительство, поздно осознавшие необходимость перемен, ушли в историю, у власти утвердился самый индустриальный класс – пролетариат со своим авангардом – партией большевиков. Они и создали Россию индустриальную, буквально растерзав Россию аграрную.

В 1920-е годы в партии большевиков не было единства по вопросу индустриализации: были сторонники медленных и сторонники быстрых темпов. Выступавшие за постепенность развития промышленности полагали, что средства на это должны были дать кооперативное село и совхозы, а темпы должны были нарастать по мере роста товарности сельского хозяйства. Предполагалась добровольность кооперации, главным методом должно было быть убеждение. Отношения города и села основывались бы тогда на рыночных принципах и взаимном интересе. Но победили сторонники быстрой

товариществ упомянуто Белобородовское, из 15 человек, образованное 14 января 1924 года, которое входило в Союз сельхозкооперативов. В Виленке в 1926 году было организовано машинно-семенное товарищество из 13 человек. Они приобрели соломорезку и 25 пудов сортового зерна.

Одними из самых распространённых объединений среди крестьян были общества взаимопомощи, сельские комитеты которых были образованы во всех крупных населённых пунктах бывшей Петропавловской волости. С 1922 года существовали Сельские комитеты крестьянского общества взаимопомощи (СККОВ) в Иглаково, Кижирово и Песочной, а с декабря 1925 года – в Белобородово, Виленке, Орловке, Семиозёрках и Чернильщиково. Общества эти были чрезвычайно слабы экономически, взносы составляли 50–90 коп. с работника. Больше средств получалось от общественного огорода, лесозаготовок или запашки. Общества выдавали льготные ссуды, покупали в общественное пользование сельхозмашины – веялки, окучник. Белобородовский СККОВ организовал артель из 10 человек для возки бочек на нефтесклад. Наиболее активным было Семиозёрское СККОВ, где в

индустриализации. Они полагали, что на постепенность и убеждение крестьянства у партии и пролетариата нет времени в условиях враждебного капиталистического окружения, что главным методом воздействия на деревню должно стать насилие и принуждение. Они мыслили в сжатые сроки кооперировать деревню, сделать её управляемой, выжать из неё максимум средств и рабочих рук, механизировать и повысить товарность, а за счёт этого энергично усиливать индустриальную сферу. Такой вариант предполагал замену рыночных отношений планово-распределительными и помогал подчинению крестьянства интересам пролетарского государства. Преобразовать деревню, безусловно, предполагалось для её же блага. Союзником пролетариату в этой исторической операции стало бедное крестьянство, которому терять было нечего и которое связывало с новым строем надежды на лучшую жизнь.

Ко времени сплошной коллективизации в деревне уже были подготовлены инструменты для её проведения – комиссии по чистке коллективов от «кулацкого элемента», проверочные и счётные комиссии для поиска укрытых объектов обложения, крестьянские и земельные комитеты, состоящие, в основном, из бедняков; сельсоветы, в которых партийные власти могли менять руководство по собственному желанию, а не по выбору граждан; посевные комитеты, батрацко-бедняцкие группы, сельисполнители*, комсомольские и партийные ячейки, женсоветы, культбригады, избы-читальни и народные дома для пропаганды идей коллективизации и построения социализма.

В 1928–1929 годах уже десятки крестьян числились в списках недоимщиков по уплате налогов, и их имущество подвергалось описи для продажи. Так, в 1928 году описали имущество и продали его часть у 15 хозяев Белобородовского сельсовета – у кого овцу, у кого зеркало, самовар или кур. Больше всех пострадал Николай Крысов, у которого в уплату сельхозналога продали быка и комод. В 1929 году в том же сельсовете описали имущество 13 хозяйств. У Ф. Терентьева продали корову, телка, 6 овец и кошеву. В Песочинском, Виленском и Кижировском сельсоветах за укрытие объектов обложения (посевов, скота) 3–10-кратным размером налога были наказаны 18 человек. Райисполком требовал от сельсоветов: «...в полной мере применить наложение штрафов на укрывателей, никаких исключений быть не должно, зажиточных злостных укрывателей необходимо штрафовать наибольшим штрафом». Малоактивных членов проверочных комиссий власти обещали отдать под суд, а председатель райисполкома прямо говорил председателям сельсоветов, что он на них давит, потому что с него шкуру дерут.

В 1928–1929 годах на Томский (Северный) район была назначена контрольная цифра хлебозаготовок в 30 000 пудов, собрано же было 10 558 пудов. Крестьяне вновь были вынуждены покупать на базаре и сдавать хлеб. К недоимщикам применялись 2–5-кратные штрафы. Налог был распределён так, что бедные хозяйства платили в 10 и более раз меньше зажиточных. Это раскололо общую крестьянскую массу, и бедные крестьяне стали способствовать разорению зажиточных. С мест в Томский окружком сообщали уже о таких настроениях бедноты, что нужно «выдавить из богачей 7 000 пудов хлеба и душа из них на поляну», что «этих культурников надо пустить по миру». Предупреждений более дальновидных крестьян, что хомут надевают на всех, те, кого не касались высокие налоги, не слушали. Зажиточные крестьяне получали твердые индивидуальные ставки обложения налогом, часто превышавшие не только доход хозяйства, но и стоимость всего имущества. Редко кто выдерживал 2–3 года твёрдого обложения. «Твёрдозаданец» становился кандидатом на раскулачивание, хотя к моменту ссылки у раскулаченного мало что оставалось. Так, на А.А. Рубцова, крестьянина деревни Кижирово, имевшего паточный завод, в 1930 году был наложен налог в 1085 руб. 80 коп. Всё его имущество было оценено в 998 руб. В 1931 году налог составлял 520 руб., а имущество было оценено только в 241 руб.

На зажиточные дворы обрушились всевозможные бедствия – все деревенские платежи и повинности должны были платить они. Их посылали в первую очередь на ремонт дорог, лесозаготовки, им давали самые плохие покосы, у них отбирали за бесценок плоды их труда.

На пленуме Томского горкома ВКП(б) прямо призывалось: «Всяческие

Опись и продажа имущества носили массовый характер. Каких богатеев находили и разоряли к северу от Томска, судите сами, прочитав выписку из протокола заседаний Виленского сельсовета от 24 октября 1935 г.: «Постановили: изъять к продаже на покрытие недоимки из описанного имущества у Матвеева 1 лошадь с упряжью, 1 сани, 1 плуг, 40 кулей картофеля, 2 стога сена; Трушина Егора – 1 лошадь со сбруей, 1 свинку, 2 кур, 1 телец, 1 сани; Христюлова Василия Семёновича – 1 амбар, корову, 2 стога сена, 18 кулей картофеля и конюшню; Трушина Петра В. – амбар, поднавес, 9 штук кур; Киселёва Алексея Ивановича – конюшня, амбар, 25 штук брёвен; Чащина Михаила Ильича – 1 лошадь, телегу, сбрую, 20 копеек сена, 15 кулей картофеля, сани; Жданова Дмитрия Андреевича – корову бусую, 2 овец, 1 свинью, 1 поросёнка, 1 бычка, 5 штук курей, 25 кулей картофеля, 2 стула, диван деревянный; Чукина Осипа Петровича – 3 саней, 3 стула, конопли немного, капусты 150 вилок, кирпича сырого 50 штук, зерна гречи 60 кг».

*27 марта 1924 г. ВЦИК и СНК приняли декрет о сельских исполнителях, этот институт учреждался при сельских Советах для «охраны общественного порядка, личной и общественной безопасности граждан», кроме того, сельские исполнители должны были осуществлять «законные приказы о задержании граждан, охранять и конвоировать задержанных и вообще наблюдать за исполнением правопорядка, установленного советскими законами».

платежи, сборы налога, ссуды немедленно досрочно взыскать с кулацких хозяйств, решительно бороться с право-оппортунистическим отношением к кулаку».

С началом обязательных госпоставок (контрактации) крестьянам было запрещено продавать продукты на рынке до выполнения поставок, сокращать площадь посевов и убивать скот. Началось массовое самораскулачивание: зажиточные крестьяне и крепкие середняки стремились перейти в разряд средних и бедных хозяйств путём деления хозяйств между родственниками, сокращением хозяйственной деятельности, многие бросали землю и уезжали в Томск или просто меняли место жительства. Так, только из Песочной к 1933 году уехали в Томск 15 хозяев, бросив дома. Крестьяне старались перейти на промышленные предприятия – нефтесклад, Самусьский и Моряковский затоны, в леспромхоз. Число жителей в деревнях стало сокращаться. Пролетарское государство сознательно пустило под нож «кур, несущих золотые яйца», выгнало из села цвет трудового крестьянства – самых инициативных, трудолюбивых, самых многодетных и самых здоровых мужиков. Конечно, индустрия выиграла, получив этих работников, но Россия в целом проиграла.

Самораскулачивание было дополнено раскулачиванием и ссылкой, проводимой властями. К осени 1932 года были раскулачены в Белобородовском сельсовете 19 человек, в Кижировском – 9, в Песочинском – 12, в Чернильщиковском – 3. Ссылка продолжалась и позднее, по несколько семей в год, до 1936 года.

В число этих несчастных попали самые заметные крестьяне из местных, имевшие кожевни, бондарни, крахмалопаточные заводы, хуторяне. Часто в кулацкие зачисляли большие семьи, у которых соответственно количеству ртов было больше, чем у других, скота, огородов, пашни.

Механика раскулачивания и судьба сосланных хорошо показана в капитальном труде «Спецпереселенцы в Западной Сибири». Сосланные старики почти все умерли в первую же зиму, многие бежали из ссылки и жили затем в Томске, часть была возвращена домой по постановлениям сельсоветов, когда сменился их состав.

Для чего же понадобилось явно разорительное с экономической точки зрения раскулачивание? Во-первых, для того, чтобы сделать крестьян послушными, запугать их, загнать в колхозы, во-вторых, чтобы получить сельхозинвентарь и другое имущество для колхозов, а, в-третьих, чтобы получить мобильную рабочую силу для индустриального строительства, ведь спецпереселенцы были направлены, прежде всего, на лесозаготовки и шахты.

Как и по всей стране, в нашем районе коллективизация уложилась в четыре года – с 1930 по 1933. К артелям вполне добровольным можно отнести колхоз «Борьба с капиталом» и белобородовскую коммуны «Смена», остальные, начиная с «Завета Ильича» в Чернильщиково, создавались, судя по документам, под сильным давлением властей. Схема действий по организации колхоза была довольно простой. Уполномоченный горсовета, часто совершенно безграмотный, но идейно убеждённый, зачитывал доклад о необходимости коллективизации для задач построения социализма, создавал инициативную группу, от имени которой и организовывался колхоз. Колхоз получал имущество раскулаченных, лучшие земли из надела деревни под пашни, покосы и выгоны, лес. Параллельно шло шельмование зажиточных хозяев в газетах и на собраниях. Единоличники облагались более высоким налогом, особенно зажиточные. Однако, их недоимки мгновенно прощались при вступлении в колхоз. Перед крестьянами было, как у Ильи Муромца, три пути: прямо поедешь – в Нарым попадёшь, направо поедешь – в колхозе будешь, налево свернёшь – пролетарием станешь. В любом случае крестьяне лишались большей части имущества и самостоятельности. Конечно, томские крестьяне жирно не жили, к артельному труду были приучены и его не боялись, но и делить хлеб с лодырями не хотели, поэтому на коллективизацию шли неохотно.

К началу сплошной коллективизации на территории будущего Северска существовали два колхоза: в Кижирово – «Борьба с капиталом» и в Чернильщиково «Завет Ильича», а также коммуна «Смена» в Белобородово, промартели в Иглаково, Виленке, Песочной, маслоартель в Бросовке. В 1931 г. были образованы сельхозартели «Вперед к социализму» в Белобородово, «Красный иглаковец» в Иглаково, «Рабочая правда» в Семиозёрках, промартели «Производственник» в Чернильщиково, «Красный Восток» в Орловке. В 1932 г. образовались промколхозы «Красный пихтовар» (Виленка), «Вторая пятилетка» (Бросовка), «Коллективист» (Песочная), в 1933 г. – «Прожектор» (в Каменке), вероятно слитый затем с промколхозом «Красный пихтовар»; промколхоз «1 мая» (Песочная). В 1935 г. образовался промколхоз «Верный путь» (Поперечка), в 1936 г. – промартель «Большевик» в Чернильщиково. Перед войной прошли последние реорганизации. В Чернильщиково в 1938 г. из колхоза «Завет Ильича» и промартели «Производственник» образовался колхоз им. Верховного Совета СССР, а в 1939 г. его влили в промартель «Большевик» за полной хозяйственной несостоятельностью. Там же в 1939 г. открыли, а в 1941 г. закрыли промартель «Глазурь». В Бросовке образовался промколхоз «Красный токарь», в который вошли бывшие члены артелей «Луна», «Вторая пятилетка».

К середине 1950-х гг. прекратили существование колхозы в зоне п/я №5 «Вперед к социализму», «Красный иглаковец», «1 мая» (в который был влит ранее «Коллективист»). Колхозы в Кижирово, Поперечке, Семиозёрках, Виленке и Бросовке постепенно сливались и в 1957 г. вошли в колхоз им. XX съезда, а затем, в 1967 г., в совхоз «Сибиряк», теряя население и превращаясь в дачные местности Северска.

Открытого сопротивления, тем не менее, почти не оказывалось. Крестьянин Кузьмин в Виленке выгнал со двора комиссию, пришедшую описывать хозяйство. Иной раз на собраниях били активистов, рискуя попасть под суд. При исполнении обязанностей был убит в 1935 году член Виленского сельсовета Хренов, что было объявлено актом обнаглевшего классового врага, но это был единственный случай. В основном преобладало пассивное сопротивление: бегство, пьянство, сознательное разорение хозяйства.

Крестьянство, составлявшее большинство населения страны, оказалось слабым и неорганизованным. Ведь это нищее большинство жило надеждой на лучшую долю, было согласно потерпеть, чтобы, если не им, то их детям, всегда была булка с маслом. Зажиточное же крестьянство подчинилось воле массы, осознав бесполезность сопротивления.

Несмотря на понимание несправедливости раскулачивания, крестьяне боялись протестовать, чтобы самим не попасть в жернова спецпереселения, хотя на собраниях в 1931 году были и такие выступления: «Советская Власть хуже Колчака. Говорили, что нам принесли облегчения в жизнь, а при отправке сибулоновцев* женщины рожали на возу. Так не делал Колчак». После компании по раскулачиванию и коллективизации все сельсоветы и колхозы приняли назад значительную часть раскулаченных односельчан и их детей. Из 32 раскулаченных крестьян были возвращены 14. Некоторые председатели сельсоветов прямо отказывались выполнять репрессивные распоряжения властей. Так, председателя Самусьского сельсовета Цибульского в 1933 году уполномоченный горкома ВКП(б) обвинил в том, что он «по сельсовету не выявил ни одного кулака и твёрдозаданца, которые имеются». Председатель Чернильщикова сельсовета, затем председатель колхоза «Завет Ильича», член ВКП(б) М. Шатков заявил уполномоченному РИКа**: «Пока я работаю в сельсовете, кулаков и твёрдозаданцев не будет, в советских учреждениях работают белогвардейцы и жульё». Он же заявил другому уполномоченному: «Сам колхоз знает, что ему посеять, колхоз будет сеять то, что ему выгодно», отказавшись выполнять посевные планы Томского горсовета. Председатель Песочинского сельсовета Павел Кузьмич Лушпа также всячески противодействовал разорению крестьян и был ославлен в газете «Красное Знамя» как кулацкий ставленник. Председатель Белобородовского сельсовета в 1929–1933 годах Михаил Михайлович Сухих освободил 20 мая 1932 года бежавших из Нарыма и вновь арестованных четырёх песочинских мужиков и уничтожил все документы. Таких председателей немедленно меняли на городских рабочих, и волна репрессий нарастала.

Крестьян, так или иначе, в колхозы загнали. Коллективные хозяйства делились на 3 основных типа:

- 1) сельхозартели – кооперативы с аграрной специализацией: колхозы «Смена», «Вперёд к социализму» (Белобородово), «Завет Ильича» (Чернильщикуво), «Красный иглаковец» (Иглаково), «Рабочая правда» (Семиозёрки);
- 2) промколхозы – промысловые и аграрные кооперативы: «Красный пихтовар», «Прожектор» (Виленка), «Вторая пятилетка», «Красный токарь», «Луна» (Бросовка), «1 мая», «Коллективист» (Песочная), «Верный путь» (Поперечка), «Борьба с капиталом» (Кижирово), «Производственник» (Чернильщикуво);
- 3) промышленные артели, созданные для эксплуатации промышленных предприятий: «Большевик», «Глазурь» (Чернильщикуво), «Красный Восток» (Орловка).

Кроме колхозов на территории будущего города и промзоны существовали ещё три совхоза в виде подсобных хозяйств. С 1927 по 1933 год Архимандритская заимка принадлежала горсовхозу №6 Бактериологического института (Бактина), а затем была занята колонией «Чекист». Хутор Зоновка был с 1920 года совхозом, в 1930-х годах – плотбищем Томлеса, с 1941 года – подсобным хозяйством Томскпромстроя, а с 1942 по 1949 год – подсобным хозяйством Манометрового завода. В Песочной в 1920-е годы отмечен совхоз «Надежда», который затем стал подсобным хозяйством «Чекиста», ИТК №5 и ИТЛ «А», вплоть до ликвидации Песочной в 1955 году.

По сведениям, содержащимся в архивах, судить, стало ли хозяйство эффективнее, и изменилась ли к лучшему жизнь крестьян, крайне сложно. Данные о числе жителей с 1936 года были секретными, поскольку перепись показала значительную убыль населения. Тогда руководителей переписи репрессировали, а опубликовали сфальсифицированные сведения. Точно так же невозможно найти сводные данные о количестве скота. Их тоже старались не афишировать, чтобы не обнаружился страшный урон, который был нанесён поголовью в период коллективизации.

Тем не менее, имеются некоторые факты, которые можно проанализировать. Прежде всего,

*Сибулоновцы от СИБУЛОН – Сибирское управление лагерей особого назначения.

**РИК – революционный исполнительный комитет.

Расчёты статистиков 1930-х гг. Скучная эта арифметика весьма красноречива. Например, в ходехозполиткомпании 1931 г. 206 хозяйств (1060 человек) Белобородовского сельсовета должны были выплатить разных государственных поборов: по хлебозаготовке – 200 пудов (320 руб.), по сенопоставкам – 90 тонн (12 331 руб.), по лесозаготовке – 9,4 тыс. куб. м (25 855 руб. по ценам дровяника), в семенной фонд – 45 пудов (72 руб.), культсбора – 2821 руб., сельхозналога – 3492 руб., самообложения – 2890 руб., страховых платежей – 2400 руб., налога с лиценцев – 70 руб., на МТС – 1500 руб., местного налога – ренты – 460 руб., налога со строений – 760 руб., займа первой пятилетки – 4700 руб., всего 57 631 руб. или по 54,3 руб. на человека, включая младенцев, или по 265 руб. на двор. За госпоставки и лесозаготовки средняя выплата составила по Томскому району 59 руб. на одно хозяйство. Эту сумму можно вычесть из общего итога. Тогда получается, что крестьянское хозяйство выплачивало в год 206 руб. налогов и сборов. Средний же доход на хозяйство составлял в Томском районе в 1930–1931 гг. – 503 руб. Получается, что 2/5 своего дохода крестьянин отдавал государству. Кроме того, крестьяне обязаны были ремонтировать дороги и мосты, чистить железнодорожные пути на Черемошниках, поставлять по твёрдым ценам молоко, шерсть, яйца, драть лубкорье, сдавать шкуры свиней, коров, овец, возить картофель на Поросинский винзавод, сопровождать «красные обозы» с сеном, зерном, картофелем в город, добывать рыбу в Томи.

Расходы колхозника в 1934–35 гг.

обязательные платежи	92,9 руб.	8,3%
добровольные платежи	96,1 руб.	8,6%
прочие платежи	3,9 руб.	0,4%
итого налогов и сборов	192,9 руб.	17,3%
покупка промтоваров	413,8 руб.	36,8%
покупка сельхозтоваров	377,2 руб.	33,6%
строительство	30,5 руб.	2,7%
культтовары	19,5 руб.	1,7%
транспорт, связь	19,5 руб.	1,7%
прочие расходы	70,0 руб.	6,2%
всего расходов	1123,4 руб.	100%

очевидно снижение числа жителей деревень. Количество крестьянских дворов упало с 709 в 1927 году до 642 в 1932 году и 667 в 1939 году. Более резкого падения не произошло из-за продолжавшейся колонизации территории. Появилась новая деревня – Поперечка, почти в три раза увеличилось население Бросовки. Бросается в глаза быстрое сокращение населения в Белобородово – с 147 дворов до 110. В 1939 году учтены 34 колхозных двора. Прочее население Белобородово – 76 дворов – работало сначала на нефтескладе, а затем в посёлке Чекист. Число жителей снизилось с 3658 в 1927 году до 3205 в 1932 году. В 1939 году оно составило около 3000 человек.

Резко снизилось количество лошадей, зато увеличилась почти в три раза площадь посевов. При этом следует учесть, что площадь под огородами осталась примерно той же. В 1927 году крестьяне посадили 350 га картофеля, в 1939 году – 333 га. Следовательно, увеличились лишь посевы хлебов с 300 га до 1360 га. Эти цифры означают, что велась целенаправленная смена одного типа хозяйственной деятельности на другой: промыслово-огородного на зерновой. Поэтому и снизилось количество лошадей, ранее необходимых для заготовки и возки дров. Стране нужен был хлеб, а не дрова. Сельсоветам спускались планы по раскорчёвке новых полей. С торговлей дровами велась борьба беспощадная. Секретарь Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе, выступая в апреле 1937 года на совещании председателей колхозов, больше всего ругал томичей за воровство урожая, за преступный идиотизм, за торговлю дровами, призывал с пролетарской простотой дать «в зубы тем, которые так делают». Количество скота, надо полагать, тоже резко уменьшилось. Так, в Песочинском сельсовете в 1927 году числилось 360 голов крупного рогатого скота, 444 голов овец и коз, 163 свиньи, а в 1933 году осталось 272 головы крупного рогатого скота, 176 овец и коз и 63 свиньи.

Скот на молочно-товарных фермах был малопродуктивен, особенно в первые годы организации колхозов. Фермы были в Иглаково, Кижирово, Чернильщииково, Белобородово. В Белобородово была свиноферма, конюшнями располагал каждый колхоз. Конь являлся основной тягловой единицей. Выход трактора на поле был редкостью даже перед самой войной. Когда в феврале 1941 года стал вопрос о готовности к весенним работам, выяснилось, что в колхозе «Вперёд к социализму» колёсный трактор «ХТЗ» сломан, а в Иглаково собрались пахать только на лошадях. Соответственно и техника – плуги, бороны, жатки, сеялки была рассчитана на лошадиную тягу. Регулярно, из года в год, отмечались падение скота, чесотка лошадей, малый приплод, бескормица, плохой уход за животными, отсутствие дисциплины, пьянство на работе и прочие факты, показывающие незаинтересованность колхозников в работе. Но они же преобразались в деловитых и сметливых хозяев, когда возвращались к себе на двор. А дело в том, что в колхозе они работали долгое время почти бесплатно.

Данных о доходе колхозника по рассматриваемым в книге сёлам нет, но зато такие подсчёты есть по соседним сельсоветам – Зоркальцевскому, Колбихинскому, Александровскому. Бюджетное обследование показало, что томские колхозники получали в 1930–1931 годах 503 руб. в год на хозяйство, в 1931–1932 годах – 739 руб., в 1933–1934 годах – 1304 руб., в 1934–1935 годах – 1142 руб. В последнем году доход состоял от заработка в колхозе – 278 руб. (24%), от продажи продуктов собственного подворья – 619 руб. (54%), от промыслов – 245 руб.

(22%). Таким образом, работая почти задаром в колхозе, крестьянин кормился с собственного двора и побочных промыслов. Денег в колхозе он получал 155,3 руб. в год, остальные 122 руб. – натурой. В 1934–1935 годах на один трудодень колхозник получал деньгами 27 коп. Это самый низкий показатель

в Западно-Сибирском крае. Понятно, почему крестьяне рвались на базар.

Томский район был самым бедным, поэтому и доля налогов в расходах оказалась самой высокой в Западной Сибири. Налоги на единоличника составляли более 30% расходов.

Власти не только обирали крестьян, но и лишали их хозяйственной самостоятельности. Разного рода уполномоченные толклись в деревне круглый год, торопили председателей, кричали, доносили. О стиле руководства можно составить представление по письму горсовета всему сельскому активу в 1931 году: «Товарищи! Сев в нашем районе идёт преступно медленно, особенно отстаёт единоличный сектор. На 25 мая всего засеяно 14% посевного плана, между тем как мы должны были выполнить не менее 45%. Налицо глубокий прорыв посевного фронта. Очевидно, что партийно-комсомольские организации, колхозы, сельсоветы и уполномоченные горсовета не сумели организовать сев побольшевицки, допустили самотёк, что говорит об их бездеятельности, неповоротливости, расхлябанности и разгильдяйстве, выражающем собой злейший оппортунизм на практике, играющий на руку классовому врагу». В письме так и звенит напор сабельной атаки времён гражданской войны и слышится акцент вождя народов.

Невежество, формализм, произвол властей приводили к невероятной бестолковости и совершенно дикой бесхозяйственности. Так, в 1936 году в Томском районе, чтобы выполнить план хлебопоставок, колхозы заставили сдать семенное зерно. Моливших о благоразумии председателей объявили врагами народа. В 1937 году новое руководство горсовета врагами объявило уже организаторов хлебозаготовок предыдущего года. В 1937 году хлеба помёрзли в августе, так как вместо скороспелых сортов посеяли южные, неустойчивые к морозам. Было объявлено, что «враги приложили к этому руку». Врагов, само собой, находили и расстреливали. Приходили новые, малоопытные руководители, делали ошибки, их также объявляли врагами. Таких врагов выявили в сталинское время на территории будущего Северска 143 человека. В основном это рабочие и колхозники, есть и председатели колхозов: Говор Георгий Алексеевич («Коллективист»), Иглаков Александр Анфиногенович («Красный иглаковец»), Михайлов Никита Тимофеевич («Вперёд к социализму»), Пшевлотский Иван Иннокентьевич («Завет Ильича»), Шапшук Иван Кондратьевич (заместитель председателя колхоза «Завет Ильича»). Ими пожертвовали в 1937 году, дабы объяснить народу, почему никак не приходит хорошая жизнь.

Со временем положение колхозов укрепилось, появились организационные навыки – разделение по бригадам, оплата по качеству и количеству работы, моральное и материальное стимулирование, были построены фермы для общественного скота, зерно и овощехранилища, силосные башни, парники, налажен цикл посевных работ. Крестьяне поняли, что колхозы надолго, и к ним надо приспособиваться. Отлаженное производство стало приносить относительное благополучие: гарантию от голода и необходимый минимум вещей, социальных услуг. Выросли и доходы колхозников. В 1938 году в колхозе «Имени Верховного Совета СССР» (Чернильщиково) оплата трудодня составила 60 коп. деньгами и 1,2 кг зерном, в «Красном иглаковце» – 1 руб. 25 коп. деньгами и 2,8 кг зерном, в колхозе «Вперёд к социализму» – 45 коп. деньгами и 2,6 кг зерном. Пришло и признание успехов. В 1940 году колхоз «Красный иглаковец» получил переходящее Красное знамя района за успехи в косовице хлебов. В январе 1941 года в колхозе «Вперёд к социализму», хотя и отмечали низкую урожайность из-за плохого ведения полеводства, но уже реально ставили целью добиться удоев в 1600 кг на корову, урожая в 12 ц с га зерновых, 120 ц – картофеля, а в 1920-е годы средняя урожайность составляла 3–5 ц с га.

Наибольших успехов в животноводстве добилась молочно-товарная ферма промколхоза «Борьба с капиталом», где в 1937–1940 годах удой молока составил 2050 литров на фуражную корову, и сохранялось до 99% родившихся телят. Отмечены были выдающиеся для своего времени достижения доярки Шехватовой Елизаветы Максимовны – 2993 литра молока на корову местной породы, Козиковой Анны Фёдоровны – 2729 л. Этих доярок, а также заведующую фермой Анну Кондратьевну Залевскую и председателя колхоза Иосифа Ивановича Гуля облисполком утверждал для участия во Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства в Москве в 1939 и 1941 годы. Им даже приготовили паспорта и выписали командировочные удостоверения, написали о достижениях

Стали рентабельными и промартели. По отчёту Томпромлеса за 1935 г. значилось прибыли за промколхозами: «1 мая» – 570 руб., «Верный путь» – 1951 руб., «Коллективист» – 6514 руб., «Красный пихтовар» – 1426 руб., «Луна» – 236 руб. В 1936 г. «Верный путь» реализовал продукции на 12 852 руб. при себестоимости 10 770 руб. Годовое накопление составило 662 руб. В колхозе «Красный пихтовар» было реализовано продукции на 49 013 руб. при себестоимости 32 883 руб. и фонде заработной платы 5845 руб. (34 руб. на двор). В 1939 г. все промартели промлессоюза перевыполнили планы за первое полугодие: «Красный Восток» (председатель Чураков) – 117,4%, «Верный путь» (Хорошко) – 136,5%, «Красный токарь» (Баклушин) – 133,9%, «Борьба с капиталом» (Гуль) – 128%, «Красный пихтовар» (Лысенко) – 121,5%.

в газете «За сталинские урожаи». Но ехать не пришлось. Новосибирский обком приказал прекратить посылку колхозников на выставку.

Прибыль распределилась следующим образом: 20% – членам артели, 10% – фонд премирования, 50% – в основной фонд, 20% – в фонд соцкультбыта. В артелях развивалось стахановское движение, среди лучших был мастер Дикович из артели «Красный Восток», выполнивший норму на 136%.

Каким трудом доставалось колхозникам общественное признание, показывает пример передовиков-стахановцев. Илья Иванович Евсюков из промколхоза «1 мая» регулярно выполнял на заготовке заливной клёпки для нефтетары норму на 200%; Клавдия Андреевна Дуриманова из Бросовки выполняла норму на 300%; Нина Дементьевна Лысенок, колхозница «Красного пихтовара», работая рядовой колхозницей, систематически перевыполняла норму выработки, являлась инициатором стахановского движения в колхозе. Работая на уборке урожая, она навязывала по 1000 снопов, жала вручную по 375 снопов при норме 150 снопов; работая на сеноуборке, косила до 1 га при норме 0,5 га. За период своей работы в колхозе Н.Д. Лысенок премирована 10 раз, в общей сложности на сумму около 500 руб. В 1939 году, работая чабаном, за хорошее отношение к стаду и уход за ним она получила премию – 1 ц овса. Явно несправедливо выглядит награда по сравнению с результатами труда. Характеристики передовиков включали неременную фразу: «Лишённых избирательных прав голоса в родстве нет и взятых по линии нет». Колхозы держались на таких вот тружениках, которые работали на совесть, потому что не могли иначе.

Коллективизация изменила облик деревни, появились неизвестные ранее строения – фермы, машинные дворы, конторы, силосные башни, в промколхозах – мастерские, лесные склады, лесопилки. Приметой новой деревни стали открытые культурно-просветительные учреждения (избы-читальни, народные дома (клубы), школы) и закрытые церкви.

К новому надо отнести появление фельдшерских пунктов в Чернильщиково, Петропавловке. Ранее больных вынуждены были возить в Самусь и Томск. Население фактически было лишено медпомощи, умирало 26% родившихся детей, а из умерших за год 65% составляли дети до 10 лет.

Прорыв был осуществлен и в сфере образования. Деревенские школы работали все годы революции и гражданской войны. Так, Песочинская школа с января 1917 года по июль 1920 года имела постоянную учительницу Н.Г. Цюхову и её двух помощниц – сначала Анну Ивановну Исупову, а с 1919 года – А.Г. Назарову, из томских гимназисток. В январе 1917 года в школе было 53 ученика. В 1917/18 учебном году – 72, в 1919/20 – 73, в 1921/22 – 41.

В предреволюционный период, например, в песочинской школе было три класса (отделения). Занятия начинались в сентябре–октябре и шли до середины мая. В школе преподавались Закон Божий, славянское чтение с изложением, правописание, гражданское чтение с изложением, чистописание и арифметика. Основным учебником был «Русский букварь» Вахтерова. Обстановка школы состояла из 2 ламп, умывальника, вешалки, 4 венских стульев, 2 столов, самовара, железной печи, штор, шкафа, 25 парт, 2 классных досок, кадки для воды. Располагалась школа в деревянном общественном доме. Из наглядных пособий имелись разрезная азбука, арифметический ящик, портреты государя императора, государыни и наследника, градусник, таблицы умножения, русских и метрических мер, пособие по изучению богослужения, таблица человеческих рас, магнит, компас, циферблат, глобус, грамматические и арифметические таблицы, карта полушарий земли, коллекция сыпучих тел, библиотека из ветхих книг. Этот набор наглядных пособий, за вычетом идеологически чуждых, сохранялся вплоть до 1950-х годов во всех начальных деревенских школах. Портрет государя императора сменили на портреты вождей мирового пролетариата И.В. Сталина и В.И. Ленина, из школьной программы был убран Закон Божий, который запретили к преподаванию в 1920 году, несмотря на сопротивление крестьянского схода.

В феврале 1920 года в Петропавловской волости всего училось не более 330 детей, а насчитывалось их 831. К тому же школы месяцами стояли закрытыми из-за болезни учителей, тифозной эпидемии, отсутствия дров и других напастей голодного времени. К 1923 году школы в Иглаково, Семиозёрках, Кижирово, а в Чернильщиково – в 1924 году, закрылись потому, что молоденькие учительницы, присылаемые УОНО, не могли долго продержаться в деревне. Крестьяне отказывались их кормить. В Иглаково из 83 домохозяйств от школы отказались 69.

В 1920 году добавилась только одна школа – при Белобородовском детском доме, открытом в даче Кологривовой. Он действовал до 10 апреля 1924 года и носил имя Томского уисполкома. Руководил детдомом И. Борисычев, он заведовал хозяйством из двухэтажного деревянного дома, избушки для кухни, мастерской, бани, амбаров, сада, огорода, конного двора. В 1924/25 году осталось 126 учеников на всю волость.

В 1925 году произошёл перелом в отношении крестьян к образованию. Так, Белобородовский сельсовет согласился с мнением председателя А. Крысова, «что оставлять детей – новое будущее наше поколение – в темноте преступно» и постановил открыть вновь школы в Иглаково и Чернильщиково. В Семиозёрках пожелали открыть школу потому, что «тяга к грамоте замечается чрезвычайная». В Орловке школа заработала с 1925/26 года (учительница – Миронова). В 1926/27 году училось уже 349 детей из 583. Начальное образование перевели на госбюджет. В 1929/30 году училось 250 детей. Но школы по-прежнему часто стояли закрытыми из-за отсутствия

Рис. 52. Учащиеся 7 класса Виленской средней школы. 1930-е годы.

Предоставлено В.Ф. Махневой.

тепла, учителей; ученики бросали занятия потому, что не во что было одеться. Из школ исключали детей лишенцев. Учили детей с 1927 года: в Белобородово – Валентина Герасимовна Репьева, в Виленке – Екатерина Хорозова, в Иглаково – Т.П. Семёнова, в Кижирово – Е.Д. Квашнин, в Чернильщиково – Ася Александровна Коган, в Песочной – Роман Яковлевич Левицкий. Средняя зарплата учителей составляла 27 руб. в месяц, однако она выдавалась нерегулярно, часто – натурой.

К концу 1930-х годов образовательная система была уже отлажена. Практически все дети были охвачены начальным образованием. Начальные школы действовали в Белобородово, Иглаково, Чернильщиково, Кижирово, Семиозёрках, Песочной, Поперечке, Виленке, Орловке, средняя – в посёлке Чекист, посёлке Самусь. Учителей со специальным высшим образованием в сельских школах было пять человек (в Самуськах), трое с неоконченным высшим, прочие – со средним.

Параллельно с обучением детей велась достаточно интенсивная работа по просвещению взрослого населения через пункты ликвидации неграмотности (ликпункты) и школы грамоты. Задача предстояла сложная, так как из 3179 человек взрослого населения Петропавловской волости в 1923 году грамотными считались 758 (23,8%). В районе будущего города Северска предстояло обучить грамоте 542 человек, в основном женщин.

Действовали ликпункты обычно при школах, библиотеках и избах-читальнях. В 1923/24 году сеть политпросветительных учреждений состояла в Петропавловской волости из Петропавловской библиотеки, Белобородовской и Песочинской изб-читален с ликпунктами, Иглаковского, Самусьского и Рогожинского ликпунктов. Работали в них «ликвидаторы» – городские комсомольцы. Эффективность этих учреждений первоначально была невелика. После первых посещений проходило ощущение новизны, и крестьяне становились малоактивными. Так, в Виленке 20 апреля 1920 года было проведено первое народное чтение, привлёкшее много крестьян, в школу грамоты записалось 10 человек, которые прекратили занятия через три дня, так как начался сезон заготовки дров.

В избах-читальнях проводились вечера вопросов и ответов, ставились спектакли силами школьников и молодёжи, работали библиотеки, выпускались стенгазеты (в Белобородово – «Пробуждение», в Виленке – «Новь глуши»), работали политические, сельскохозяйственные, хоровые, драматические кружки. Культкружок в Виленке «поставил себе целью борьбу с темнотой и невежеством и пьянством». В Песочной поставили спектакли «Коммун – Вера», «Чудодей». Они, по отчёту сельсовета, «произвели отзывчивость среди молодёжи и противоположное от пожилых жителей, лишь потому, что спектакли ставились под праздник и раскрывали поповские проделки и вообще дурман религии».

Содержание культпросветучреждений ложилось на плечи крестьян, они сами построили клуб (народный дом) в Белобородово, школу (1924 год) и народный дом в Чернильщиково (1926 год). Под школы, клубы, фельдшерские пункты, конторы часто передавались дома раскулаченных и сосланных крестьян.

Основной задачей культпросветучреждений было вовлечение сельского населения в общественную жизнь страны, пропаганда идей строительства социализма, поддержки индустриализации и коллективизации, внедрение новых советских традиций в крестьянский быт. Основным противником здесь была церковь. Крестьяне, хоть и не отличались особой религиозностью, тем не менее, упорно держались за обрядовую сторону традиций. Уполномоченный Уизбиркома Г.Г. Шерстнёв отмечал в

1924 году: «Влияние попов в деревне ещё огромно, все обрядности: рождение, смерть, браки непременно совершаются в церкви». Вместе с тем он увидел, что «при всём этом искренних, глубоких верований очень немного. Бога и попов обманывают на каждом шагу. В церковную кружку бросают колчаковские деньги, керенки, рваные и не имеющие хождения; попам за обряды в ржаную муку подмешивают овсянку и пшеничную. Глубокой веры нет, есть только привычки и обряды, которые нечем заменить. Молодёжь к попам относится безразлично, но опять таки в силу привычки выполняет обряды, церковь и попы ничем не заменены».

В 1920-е годы резкого нажима на церковь не было, власти опасались негативной реакции народа. Из Томского Укома ВКП(б) рассылались циркуляры с такими рекомендациями: «Для проведения в нынешнем году пасхи нужно заострить внимание, все комсомольцы и партийцы должны устраивать спектакли на антирелигиозную тему и постановки докладов и избегать грубого столкновения с попами и религиозной публикой. И не делать резкого высмеивания публики».

Вместо религиозных обрядов целенаправленно внедрялись новые – советские, связанные с пролетарскими праздниками: днём Октябрьской революции, 1 мая, 8 марта, днём Парижской коммуны, днём рождения и смерти Ленина. Непрерывной чередой проходили недели, месячники помощи милиции, воздухофлоту, пролетариату какой-нибудь страны. Но они мало трогали сельских жителей, которые правила игры новой системы усваивали быстро: бодро докладывали о солидарности с мировой революцией, пролетариатом, охотно записывались в разные общества и ячейки, а работы не вели. Революционные праздники внедрялись трудно. Ещё в 1925 году, судя по сообщениям сельсоветов, в Виленке 1 мая отмечали только 11 активистов, «спектакль поставить не удалось в виду того, что зрителей никого не было», в Чернильщикуво комсомольцы провели вечер спортивных игр, в остальных деревнях празднование не проводилось «из-за несвоевременного получения распоряжения». В школах к организации праздников приступали тоже по приказам из района, делали доклады о самом событии, украшали школы хвойными ветками, лентами, позднее, к концу 1920-х годов, вошла в обычай раздача праздничных подарков.

Ближе всех других советских событий в сёлах восприняли смерть В.И. Ленина. О нём, как о выдающемся человеке, говорили искренне, по крайней мере, на сельсоветском уровне. Так, в протоколе торжественного заседания 9 ноября 1924 года Иглаковского сельсовета записано: «Мы должны вспомнить о В.И. Ленине, вдохновителе Великого Октября, и просить почтить память (все встают). Затем т. Родионов говорит, что Великий Октябрь – пасха рабочих и крестьян. Пасха – значит избавление от смерти, проклятия и греха. Действительно, рабочие и крестьяне избавились не от греха, которого не существует, а от гнёта капитала и власти помещиков, и В.И. Ленин явился мессией не только для рабочих и крестьян СССР, а мессией для рабочих и крестьян всего мира».

В Виленке 1 января 1926 года совместили новый год, день памяти Ленина и день памяти жертв расстрела 9 января. Председатель сельсовета М.Ф. Кумпяк и учительница Сенченко сделали доклады, затем пропели похоронный марш и торжественно вскрыли посылку из центра с письменными принадлежностями для школы.

К концу 1920-х годов ритуал советских праздников уже сложился. Вот как проходил праздник 1 мая в Белобородово в 1928 году: 30 апреля было проведено торжественное заседание крестьян, рабочих нефтесклада. Собравшиеся выслушали доклады представителей всех местных организаций – сельсовета, месткома, потребкооператива, нефтесклада, школы, затем слушали радио. «Первого мая манифестация учеников местной школы с участием нешкольников. Манифестация – от школы прошли до Красного уголка нефтесклада, где приветствовали учеников т. Захаров, т. Чечельницкий и от сельсовета т. Родионов. В 2 часа детский спектакль «Большевики» Неверова. Спектакль ставили силами учеников местной школы. После детского спектакля – раздача гостинцев: орех, конфет, кроме того, ученикам раздали по карандашу и тетради. На спектакле присутствовало более 80 детей. Средства на покупку гостинцев отпущены месткомом и СККОВ. Обошлись гостинцы в 13 руб. Вечером 1 мая был поставлен спектакль «Арест» для взрослых. Перед спектаклем доклад о праздновании 1 мая – Чечельницкий. Красный уголок Нефтесклада не смог вместить всех желающих посетить. После спектакля слушали радио».

Привыкнув к новым праздникам, крестьяне не отказались и от старых. К советским праздникам добавилось традиционное застолье, а от прежних, церковных, только застолье и сохранилось, после того как церкви закрылись, а священники были репрессированы. Покровскую церковь в Архимандритке сожгли воспитанники трудколони «Чекист» в рождественскую ночь 1937 года, иглаковскую церковь закрыли по просьбе собрания колхозников 8 октября 1940 года и передали её под школу.

Рождество Христово, Пасху, Покров, Троицу в деревне отмечали по-прежнему по несколько дней, чем вызывали крайнюю озабоченность городских уполномоченных. Один из них сообщал в 1926 году, что «в самой деревне Белобородовой пьянство и хулиганство, невозможно проехать и пройти трезвым гражданам». Другой уполномоченный сообщал в феврале 1932 года из Иглаково: «Скажу Вам, что в колхозе много безобразия. Как, например, в данное время весь колхоз погрузился в пьянство во главе с председателем, который выдаёт свою дочь замуж. И что меня удивило: эта премилая парочка венчалась. Они даже ухитрились достать попа». Третий, райуполномоченный по займу, сообщал в 1928 году: «В дер. Песочную я приехал 05.II. вечером часов в 10, то есть в самый разгар [кампании?] по уничтожению самогона. Как и следовало ожидать, здесь, кроме стен никого трезвых не было, в том числе был выпивши председатель сельсовета Гринько, секретарь и учитель». Причины возмущения уполномоченных понять не сложно, они были озабочены выполнением заданий по очередной кампании, а крестьяне позволили себе отдохнуть. Если читать донесения уполномоченных, то можно подумать, что деревня находилась в беспробудном пьяном сне, когда на самом деле пьянствовать у крестьян не было времени, не было на это и средств. Иначе почему вечно обвиняемые в пьянстве председатели колхозов оказывались затем в передовых?

Из плодов цивилизации до деревень в 1930-е годы дошли три: электрическое освещение (к 1934 году из Чекиста через Белобородово свет дошёл до Иглаково); в Белобородово уже в 1920-е годы слушали радио, а к 1937 году была налажена кинофикация района, маршрутом кинопередвижки были предусмотрены три сеанса в неделю в Белобородово, Чернильщикуво и Иглаково.

Парторганизаций в сёлах не было, они существовали в промышленных центрах – Самусьском Затоне, на нефтескладе в Белобородово, в Чернильщикуво на заводе «Большевик». Отдельные члены РКП(б), жившие в деревнях, объединялись в волостную ячейку. Членов РКП(б) на всю Петропавловскую волость насчитывалось в 1921 году – 3 человека, в 1924 году – 8 человек, в 1926 году – 3 человека. Секретарём был Иван Ефремович Ширинкин. В Чернильщикуво довольно рано, уже к 1924 году, образовалась комсомольская организация, но и там было не более 3 членов ВКП(б). Обычно коммунисты возглавляли сельсоветы, были председателями колхозов. Этого было достаточно, чтобы приводные ремни партийной машины работали надёжно.

Таким образом, к концу 1930-х годов сложился образ жизни новой советской деревни. В ней не разрешалось действовать самостоятельно, местное руководство выполняло директивы центра, для контроля за основными сельхозработами присылались уполномоченные. Система прямых и косвенных налогов, заниженные закупочные цены изымали из деревни большую часть производимого продукта, оставляя её на уровне очень скромного, но гарантированного существования. Этот новый вид крепостного права, в конце концов, привел в стране к аграрному кризису 1950-х – начала 1960-х годов, а порой и к гибели сёл и деревень. Однако, нельзя считать эти жертвы напрасными: своим трудом советская деревня 1930-х годов вырастила индустриальную мощь страны Советов.